

Т.П. Буслакова

«Во всем мне хочется дойти...» (1956)

Для лирического героя стихотворения жажда жизни сливается со стремлением понять смысл ее явлений. Автор продолжает традицию русской классики не только в утверждении жизни как главной ценности бытия («Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» — «Элегия» Пушкина, 1830; «Я жить хочу! хочу печали...» Лермонтова, 1832; «О, я хочу безумно жить...» Блока, 1914), но и в попытке уловить «нить//Судеб, событий». Лирический герой Пастернака ищет ответы на пушкинские вопросы:

Жизнь, зачем ты мне дана?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..

(«Дар напрасный, дар случайный...», 1828)

Жизни мышь беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь...
От меня чего ты хочешь?..

(«Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», 1830)

«Суть», «сердцевину» своего земного существования он видит «в работе, в поисках пути» от «протекших» к будущим дням, в «игре и муке» творчества. Для художника «свершать открытья» в искусстве столь же органично, как «жить, думать, чувствовать, любить», — это его призвание и награда. Между пониманием смысла своей жизни и ощущением «достигнутого торжества» пролегает рубеж, граница. Поэт — человек, и, стремясь сотворить «чудо», он может только написать «восемь строк», «отчасти» отразив «сущность» явления:

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти...

Задача художника — стремиться к «открытьям», не отрываясь от реальности, а сливаясь с ней «всей дрожью жилоч». В «восьми строках» должны уместиться «нечаянности впопыхах»: случайные впечатления, схваченные детали, но вместе с тем и размышления о «причинах», «сущности», судьбе. Тогда и в «беззаконьях» «сердечной смуты», страсти (пушкинский образ — «Дар напрасный, дар случайный...») откроется «ее закон», будут названы «ее имен//Инициалы».

В стихах должны отразиться все чувства поэта, вся его душа, воплотившись в зрительных («Цвели бы липы в них подряд...»), звуковых («Грозы раскаты»), благоухающих («В стихи б я внес дыханье роз, //дыханье мяты...») образах. Инструментовка стихотворения вносит дополнительные акценты в характеристику художественных средств поэзии: звуковые повторы придают каждой строчке музыкальное своеобразие:

Я б разбивал стихи, как сад.
Всей **дрожью жилоч**
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Первые восемь строф стихотворения (разностопный ямб) заключают в себе два развернутых высказывания: «Во всем мне хочется... свершать открытья» и «О, если бы я только мог... В стихи б я внес...». Мысль о возможностях и гранях поэзии развивается на протяжении пяти строф с возрастающей напряженностью, достигающей пика в строчке: «Грозы раскаты». Такое интонационное построение стиха концентрирует внимание на последних строфах, содержащих обобщение: истинное искусство не только претворяет впечатления художника, но и вливается в жизнь:

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков¹, парков, рощ, могил
В свои этюды...

Оксиморон «живое чудо... могил» подчеркивает мысль о преобразующей силе искусства, способного, подобно слову Божию, воскресить, возродить к жизни.

Реминисцентный фон размышлений лирического героя о действенности искусства составляет одно из поздних стихотворений Фета, посвященное утверждению «избранной» роли «певца», способного «Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам», «Усилить бой бестрепетных сердец» («Одним толчком согнать ладью живую...», 1887). Как и у Фета, в стихотворении Пастернака высшим «торжеством» («венцом» — у Фета) художника становится бессмертие его творчества, устремленность в будущее искусства, летящего, как стрела с «натянутой тетивы тугого лука».

¹ От польск. *folwark* — небольшая усадьба.